

Надежда Тэффи

«Чудит»

Часть сборника
Ведьма (сборник)

Надежда Тэффи

«Чудит»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172826*

Ведьма: Эксмо; М.: 2007

ISBN 5-699-20104-4

Аннотация

«Кажется, у всех народов водятся таинственные дома, в которых „чудит“.

Как французы называют, „maison hantee“.

У нас в России бывали такие дома почти в каждом городе...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

11

Надежда Тэффи

«Чудит»

Кажется, у всех народов водятся таинственные дома, в которых «чудит».

Как французы называют, «maison hantee».¹

У нас в России бывали такие дома почти в каждом городе.

Помню на островах – большой, серый, деревянный, с заколоченными окнами, дикий какой-то. Его с Невы было видно, и всегда кто-нибудь спрашивал:

– Что это за дом такой страшный? И кто-нибудь объяснял:

– Это заброшенный. В нем жить нельзя. В нем чудит.

И все сразу понимали, в чем дело, и испуганно косили глазом на дикую серую развалину.

О домах, в которых чудит, много рассказывалось. И, собственно говоря, и каждому нетрудно насочинять с три короба страхов: и ветер, мол, воет, и стонет кто-то, и шаги слышатся, и кто-то огромный весь в белом, как двенадцать часов бьет, так и лезет прямо из стены.

Словом – много рассказано и много подоврано.

Но то, что я сейчас расскажу, заслуживает полного доверия. Кое-кто из действующих лиц еще жив, и в свое время, говорят, вся эта история наделала много шума и вызвала

---

¹ «Дом с привидениями» (фр.).

много толков.

Рассказало мне обо всем лицо, к делу причастное. Не знаю, хочет ли это лицо, чтоб его имя упоминалось, и поэтому назову его вымышленным, хотя бы Андреем Эдуардовичем, и передам все, как было мне рассказано.

* * *

Начал Андрей Эдуардович, как и все рассказчики о сверхъестественном:

– Должен вас предупредить, – сказал он, – что я человек далеко не суеверный, фантазия у меня самая спокойная, темных комнат и в детстве не боялся, воспитание получил самое трезвое, и не очень-то меня на какой-нибудь потусторонний фокус подцепишь. Я даже в спиритизм не верю. Это, очевидно, и духам известно, потому что ни один из них не отважился при мне появиться.

Несколько раз, между прочим, судьба предоставляла мне возможность перепугаться каким-нибудь неизъяснимым явлением – но все всегда кончалось благополучно и к моему торжеству.

Раз, например, остался ночевать в заброшенной усадьбе. Караульщик предупредил меня:

– Плюньте, барин! Наши господа уж два года сюды не наезжают. Нечисто здесь. Чудит.

– А что такое? – спрашиваю.

– Да у нас козел кричит. Летом еще ничего, а вот как начнутся темные ночи, да ветер – орет козел и хушь ты что. А козла никакого и нету. Лучше вы здесь не ночуйте.

Я, конечно, посмеялся да и остался. И что же вы думаете: просыпаюсь ночью – орет козел! И так ясно – бэ-бэ-бэ-э!

Какое-то, знаете, даже неприятное впечатление. Я, конечно, сейчас встал и вышел во двор.

Прислушался, откуда голос. Слышу – от ворот. Я к воротам. А ворота там старинные, плотные, из планок сбиты. Подошел, слышу – прямо из ворот и орет этот козел. Что за чудо! Осмотрел ворота. Вижу, одна планка отстает. Потрогал – она и есть. Она козлом и ревела.

Днем эти ворота всегда были открыты, и створка, стало быть, защищала сорванную планку от ветра. Ну а ночью, особенно если сильный ветер, она и скрипела козлиным голосом.

Вообще мне много раз в моей жизни представлялся случай разоблачить всякого рода чудеса и сверхъестественности, но та история, которую я хочу вам рассказать, была совсем дикая, ни на что не похожая. Кое-что в ней, пожалуй, даже могло бы показаться смешным, во всяком случае нелепа она так, что ничего подобного вы никогда не услышите.

Ну-с, так вот.

Было это лет тридцать тому назад. Я только еще начинал свою служебную карьеру.

Происходило это на Кочкарских золотых приисках. Коч-

карская система значилась в административном отношении в Оренбургской губернии, то есть в европейской части России, но фактически лежала по ту сторону Уральского хребта, у Тургайской степи и Тоболи, то есть в Сибири, в Азии.

Оседлое население – если только его можно назвать оседлым, потому что, в сущности, это кочевники, – было башкирское и киргизское, а на приисках преобладали старообрядцы да суровые илецкие казаки, потомки тех самых, что с Емелькой Пугачевым жгли барские усадьбы. Рабочие были татары.

Прииски находились в ста двадцати верстах от сибирского железнодорожного пути – по-тамошнему, значит, на бойком месте, каких-нибудь десять часов езды, и вы уже на станции. Расстояния ведь там прямо невероятные. Приезжал ко мне в гости батюшка из соседней губернии – трое суток пути. Рассказывал, что сам не знает, где его приход кончается. Где-то у Ледовитого океана, да туда по тундре и не доберешься. Вот как!

Прииски наши находились в степи, среди лесов.

В примитивно оборудованных шахтах добывалась золотая руда, промываемая на примитивно устроенных заводах-мельницах. Старатели, то есть частные искатели, типы жутковатые, все больше из «бывших людей», промывающие золотоносные пески, разбросаны были по всему району.

В районе имелось всего три-четыре крупных предприятия – среди них и иностранные акционерные общества. Одним

из них управлял русский инженер Василий Николаевич Эрберт. А я был у него помощником.

Жили мы в степи, в небольших домиках, сбитых из толстых бревен и внутри обтянутых кошмою, и то стены иногда промерзали насквозь. По утрам, после ночной пурги, бывало, и двери открыть нельзя – так нас заваливало снегом.

Приходили сторожа, отгребали сугробы лопатами, прокладывали в снегу от домика к домику траншеи выше человеческого роста.

Ходили мы на лыжах.

Морозы, помню, закручивали до тридцати пяти – сорока градусов.

Дикая была жизнь! Теперь даже вспомнить странно, как могли мы так существовать.

Морды кругом свирепые, с татарами говорили через переводчика, а то как их поймешь – все что-то «бачка шалды-балды»... Башкиры – «моя-твоя». Киргизы только молчат. Тощица!

Сначала было занято – такие все обстоятельства необыкновенные. Учение свое я ведь проделал в Германии, в чистеньком немецком городке, и вдруг сразу такая волчья глушь, валенки, киргизы, бродяги, душегубы – черт его знает что!

Конечно, когда я рассказываю, все это кажется довольно банальным, но уверяю вас, что, на европейский взгляд, обстановка была самая удивительная. Точно не живешь, а чей-

то рассказ читаешь. Но когда заметил я, что рассказ этот так и застрял на первой странице, то стало уже не занятно. Все сначала казалось, что на этом замечательном фоне непременно должны развернуться какие-нибудь небывалые романтические приключения. А вот этого-то как раз и не было.

Общество наше, таких более или менее интеллигентов, было небольшое: директор да я, да мой помощник Белов. Были еще батюшка, почтмейстер, доктор, химик, фельдшер-ица, аптекарь, кое-кто из штейгеров – вот, пожалуй, и все.

Начальник мой, человек очень приятный, был на приисках сравнительно недавно. До него, когда компания только что начала дело на Кочкарке, для устройства и заведования приглашен был некий голландский инженер, человек исключительных знаний и опыта. Выписали его из Южной Африки, где он провел долгие годы на золотых приисках.

Приехал он летом и, незнакомый с условиями сибирского климата, первым делом выстроил для себя прекрасный просторный жилой дом, по всем правилам южноафриканского зодчества, с водопроводом, канализацией, вентиляцией и прочими штуками. Особое внимание обратил на вентиляцию: во всех комнатах наворотел каких-то дырок, отдушин, приделал к потолкам пунки. И все так хитро наладил – в одну отдушину дует, в другую тянет, и пунка сама собой вертится. Словом, в таком доме не запаришься.

И вот, как ударили наши первые крепкие морозы, момен-

тально все трубы лопнули, вода замерзла, со всех стен дует, пунки крыльями машут, тени по потолку ходят, волки кругом воют, свист, стон, визг — прямо чертовня какая-то. А тут еще полный крах всех технических приисковых сооружений, произведенных по испытанным методам африканской промышленности.

И так это все на бедного голландца подействовало, что в один прекрасный день, при сорокапятиградусном морозе, он, не сказав никому ни слова, заперся один в своем директорском доме, да и повесился.

С тех пор никто в доме этом не жил, окна и двери заколочены наглухо, и на приисках ходила молва, будто в доме нечисто, будто по ночам там голландец воет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.